

Максимова Светлана Ивановна – доцент кафедры эстетического воспитания Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А. Шолохова, кандидат педагогических наук, г. Москва

ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЕДЫ И БОЛЕЗНИ ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА,

или О новых задачах в области социализации дошкольника

В феврале 2004 года, на следующий день после страшного теракта в московском метро меня навести две очаровательные барышни дошкольного возраста — племянницы Юля и Настя, шести и пяти лет. Живут они по соседству, в гости заходят регулярно, и в самом факте их визита, казалось, не было ничего примечательного. Однако уже на пороге, перебивая друг друга, девочки заинтересовались, знаю ли я о трагедии в метро, и поспешили высказать свое отношение к случившемуся. Старшая была особенно экспрессивна. «Ужас какой... Просто кошмар... Ты представляешь, что творится?.. Тетя Света, люди погибли...» — повторяла она непрерывно звучавшие с экранов телевизоров и в частных разговорах эмоциональные оценки взрослых.

Однако обстоятельного разговора, на который, как я позднее поняла, девочки настраивались, не получилось. На него не было ни времени, ни сил, да и, откровенно говоря, обсуждать с детьми пяти-шести лет страшные события в метро не хотелось. Кошунственной казалась сама мысль о возможности такого разговора. Ведь дети все-таки. Малы еще, вряд ли что поймут, да и зачем омрачать их жизнь. Успеют еще задаться извечными русскими вопросами «Кто виноват?» и «Что делать?». Похоже, у нас, у взрослых, подсознательное желание оградить малышей от всего страшного и дурного, максимально отодвинув во времени знакомство с трагическими сторонами жизни. Так будет лучше, убеждаем мы себя и спешим окунуть ребят в мир

...где
Скачки,
Песни,
Все утечи.

смехи,
пляски,
сказки,

Тетя Света не исключение. Сдержанно разделив негодование детей и посочувствовав попавшим в беду, я, не раздумывая, почти автоматически перевела разговор в другое русло, предложив девочкам заняться привычными для них делами. Дети рисовали, вырезывали и клеили, пытались смастерить из бумаги волшебных птиц, общались с бабушкой и дедушкой, почитали вместе с ними книжки, с интересом посмотрели мультфильм, перекусили, а спустя какое-то время увлеклись игрой. Все было как обычно, но вот только играли дети в теракт. Увлеченно, не видя вокруг себя никого, полностью погрузившись в воссозданные творческим воображением события страшного для Москвы февральского дня. Затаив дыхание я внимательно следила за разворачивающимся сюжетом игры, боясь помешать девочкам, нарушить их замысел и упустить важные для меня как педагога детали. Ничего подобного я не видела, да и предположить не могла, что дети пяти-шести лет по своей воле, без чьей-либо подсказки или намека затеют игру в теракт.

Говорят, когда-то дошкольники играли в челюскинцев и Чкалова, Чапаева и Ворошилова, чуть позже в тимуровцев и целинников, Штирлица и Глеба Жеглова, еще не так давно в робота-полицейского, Человека-паука, мультипликационных охотников за приведениями и грызунов-спасателей Чипа и Дейла. И вот новые времена, новые события и новые игры. Хотя до сих пор сочетание слов «игра» и «теракт» заставляет меня внутренне содрогаться, что-то сопротивляется этому сближению, протестует, стремясь предупредить. Но, увы, это уже реальность. Причем играют в теракт московские дети, во всех отношениях благополучные, живущие вдали от зон межнациональной напряженности и вооруженных конфликтов. Особо отмечу — играют девочки, как ранее считалось, равнодушные к играм милитаристской тематики и их атрибутам: оружию, стрельбе, взрывам, смертям и ранениям, пусть даже и понарошку.

Когда о случившемся я рассказала своим студентам, они удивились и тут же заинтересовались, какие игровые роли взяли на себя девочки. Вопрос был для меня неожиданным. Ответ казался само собой разумеющимся, но, куда клонят мои собеседники хорошо поняла; поняв же, крепко задумалась. А ведь действительно! Не принято у нас говорить с детьми о больших вопросах современности: «горячих точках» и вооруженных столкновениях, межнациональных конфликтах и террористических актах, чужой боли и беде. Да я сама, ратующая за разумное присутствие в жизни детей нравственно-этических дилемм и необходимость серьезной душевной работы уже на

этапе дошкольного детства, часто ли веду с малышами подобные беседы? Лишь в исключительных случаях. А при полном попустительстве взрослых и высоком интересе к терроризму и личностям террористов телевидения, ставшего для детей окном в мир, заменившего содержательное общение с близкими, вполне могло стать, что куда привлекательнее для них оказались бы не роли спасателей и врачей, а террористов. Помнится, в рэкетиров, киллеров и в «бригаду» во главе с Сашей Беловым наши дети уже играли. Так что семье повезло, девочки не потеряны для общества, что-то по-настоящему доброе и благородное в них общими усилиями родители, близкие, педагоги смогли взрастить. Своеобразное испытание на человечность они выдержали.

Играя, дети постигают мир взрослых, его ценности и культуру, осваивают выработанные веками социальные роли и модели поведения. Источником игры, как правило, является окружающая действительность. В игре ребенок отображает значимые для него события и факты, примеряя их на себя и приобретая бесценный опыт взаимодействия с социумом. Игра в теракт есть не что иное, как попытка дошкольников воспроизвести взволновавшее их умы неординарное происшествие, заново пережить его и осмыслить. Сам факт этой тематической творческой игры говорит о том, что дети в отличие от нас, взрослых, готовы к серьезным беседам о социальных проблемах современности. Они нуждаются в них и умном, тактичном собеседнике, способном утолить естественное любопытство быстро взрослеющего ребенка. Закономерно, что за разъяснениями вновь открываемых социальных явлений дошкольники обращаются ко взрослым, однако зачастую безуспешно. Наше бездействие, сознательное или бессознательное устранение от непростых разговоров о бедах и болезнях современного общества побуждают детей самостоятельно искать ответы на интригующие вопросы, расширяя свою социальную компетентность. Пустот в природе не бывает, а потому рано или поздно источник информации они найдут, а отсутствующие звенья в цепи благополучно достроят с помощью воображения, и не факт, что получившаяся картина мира окажется реалистичной и нравственно здоровой.

Буквально на днях в телевизионной информационной программе «Вести» Ирада Зейналова, рассказывая о начавшемся в Воронеже процессе по делу об убийстве группой российских подростков чернокожего студента из Гвинеи-Бисау и судьбе бывших членов воронежского отделения РНЕ, не так давно ликвидированного в городе за экстремизм и разжигание национальной розни, произнесла важную и своевременную, на мой взгляд, фразу, суть которой сводилась к следующему: «Детей надо учить всему, в том числе уважению и любви к ближнему, иначе придут другие учителя и научат ненависти». Здесь все: и предостережение, и призыв к действию, и его программа. Невнимание к детям, пренебрежение их интересами, боязнь омрачить безоблачное существование имеют весьма серьезные негативные последствия как для самого подрастающего поколения, так и для общества в целом.

Думается, что работа в области всестороннего социального образования личности и осмысления отдельных важных для российской действительности проблем, влияющих на ее настоящее и будущее, должна быть начата в период дошкольного детства, когда у малышей, постигающих мир людей и происходящее вокруг, возникают первые острые вопросы, касающиеся войны в Чечне, терроризма, национализма и прочих недугов современного общества. Откладывать непростой разговор на будущее, кивая в сторону школы и учителей общественных дисциплин, недальновидно и опасно. Ребенку нужны ответы сегодня и сейчас, ведь базовые представления о мире, добре и зле, моделях поведения в социуме формируются у него в дошкольном возрасте, и менять или корректировать их впоследствии довольно сложно. Это фундамент, определяющий взгляды, отношения и поступки человека, его жизненную и гражданскую позицию.

В настоящее время охранительные тенденции в педагогике сильны, как никогда. Причина понятна — пугающие реалии российской жизни. Вспомним историю педагогики и школы: чем страшнее действительность, тем сильнее желание педагогов оградить от нее ребенка. Вот и стараемся мы не омрачать жизнь детей, не травмировать психику, оберегаем, как можем, от ужасов и проблем современного мира, человеческих бед и страданий, опасности преждевременного взросления, возможных слез и переживаний. Твердя как заклинание: любая информация о людских трагедиях губительна для ранимой детской души, заставляет страдать, лишает детства...

Однако вооруженные столкновения на национальной или религиозной почве, теракты, стихийные бедствия и чудовищные по своим разрушительным последствиям аварии на земле, под землей, на море и в воздухе стали обыденным явлением нашей жизни. Ни одна информационная программа на радио или телевидении, ни одно печатное издание не мыслимы сегодня без

сообщений о социальных столкновениях и трагедиях, им уделяется повышенное внимание, с них начинаются выпуски новостей, им посвящаются первые полосы газет. И как бы мы ни старались, обрывки информации до детей все равно доходят. Живут они не в безвоздушном пространстве. Старшие дошкольники уж точно смогут, если постараются, вспомнить пару-тройку подобных сообщений, хотя уверена, что никто из них вечерние TV-новости специально не смотрит.

Землетрясение в Турции, война в Ираке, теракт в московском метро, трагедия в Трансвааль-парке и подвиг восьмилетней школьницы, спасшей под руинами аквапарка не умеющую плавать малышку, Российская Конституция и выборы Президента страны — вот неполный перечень важных в социальном отношении событий и происшествий, которые за последние два-три года не на шутку волновали моих племянниц, находя отражение в их играх и разговорах. Причем возникали они по инициативе самих детей и, скажем прямо, далеко не всегда находили должный отклик и поддержку с моей стороны.

Как воспринимают общественные трагедии дошкольники? Психологи утверждают, что по-разному, многие весьма спокойно, как яркое телевизионное зрелище, отчасти уже привычное. Оно и понятно — фильмы-катастрофы, боевики, криминальные и информационные новости, перенасыщенные сообщениями о вооруженных столкновениях, террористических актах, авариях, стихийных бедствиях и катастрофах, — непреходящий атрибут нашей жизни, фон, на котором происходит становление личности ребенка. Не удивительно, что малыш привыкает к подобным картинкам, насилию и смертям. Порог чувствительности снижается даже у взрослого человека, чего уж говорить о дошкольнике, которого еще вообще не научили ценить человеческую жизнь, чувствовать чужую боль, сострадать и горевать. Дошкольник нравственно неразвит. Отсутствие же нравственно здоровой реакции на страшную TV-картинку взрослого, его внешнее спокойствие и невозмутимость, а именно так, уважаемые взрослые, мы чаще всего взираем на телеэкран, усугубляет положение. Ребенок убеждается в нормальности происходящего и принимает демонстрируемую ему модель поведения за образец. Равнодушие к человеческим бедам и трагедиям, неразвитость чувств одновременно с высоким интересом к самим событиям, будоражащим воображение, интригующим, привлекающим своим размахом и необычностью, высоким накалом страстей и новизной ощущений, становятся для ребенка нормой. Подавляющее большинство дошкольников не воспринимают войну, террористические акты, природные и техногенные катастрофы как трагедию, не чувствуют физической и душевной боли людей, втянутых в вооруженные конфликты, пострадавших от рук террористов или страшных катастроф. Мы расплачиваемся за свои безответственность, педагогическую близорукость и равнодушие к детям.

Психологи подметили и еще одну весьма тревожную деталь. Поскольку основным источником информации о социальных катаклизмах служат телевизионные передачи и отчасти частные разговоры взрослых, обсуждающих между собой актуальные политические и городские новости, дошкольникам, плохо знакомым с социальной действительностью и в подавляющем большинстве не имеющим опыта социальных потрясений, трудно понять, где заканчивается великая иллюзия кино и начинается настоящая жизнь. Часть детей не воспринимают увиденные в TV-новостях социальные столкновения и катастрофы как реально происходящие, они для них — очередной зрелищный телевизионный фильм со спецэффектами и стереозвуком.

Срезы, проводимые студентами факультета дошкольного воспитания МГОПУ им. М.А. Шолохова в рамках своих курсовых и выпускных квалификационных работ, и мои личные наблюдения за дошкольниками убеждают в истинности большинства утверждений психологов. Дети действительно проявляют интерес к социальным потрясениям, войнам, терактам, стихийным бедствиям и катастрофам, однако интерес этот непродолжительный. Ни одно из упомянутых выше событий долго моих племянниц не занимало. Как только событие переставало быть «горячей» новостью и становилось историей или привычной составляющей нашей жизни, как, например, далекая война в Ираке, интерес к нему пропадал так же неожиданно, как появлялся, и девочки о нем уже не вспоминали, а я не напоминала. Наверное, это нормально и свидетельствует о здоровой психике ребенка. Лишь однажды старшая Юля, играя в семью и собираясь со своей маленькой дочкой на отдых за границу, посетила буквально на ходу созданное ею турагентство, где сразу исключила из списка предложенных стран (предложенных опять же самой девочкой) Ирак, потому что там война и опасно, и Турцию, потому что она серьезно пострадала от землетрясения. Так что эти страшные события девочка в своей памяти зафиксировала и в нужный момент вспомнила, правильно оценив ситуацию. Это дает основание полагать, что знания и о других, некогда волновавших ребенка трагических событиях не исчезли бесследно. Они не

востребованы в повседневной жизни, а потому хранятся в глубинах детской памяти, почти не обнаруживая себя. Конечно, многое забывается, многое, но не все.

Между тем следует отметить, что восприятие детьми трагедий и катастроф все-таки весьма поверхностное. Внимание, как правило, обращается на их сюжетно-событийную сторону, действия людей в экстремальных ситуациях и, что немаловажно — реакцию окружающих, тех, кто рядом. Только мои вопросы, замечания, напоминания, рассказы и пояснения побуждают девочек задуматься о причинах случившегося и его последствиях, а главное — судьбах пострадавших, их чувствах, переживаниях, настоящем и будущем. Человека, его боли и страдания, горя и отчаяния, высокого профессионализма и героизма, трагических ошибок и злодеяний дети, как правило, не видят и не понимают. Яркие события, их размах и неординарность заслоняют от детей главное. Они констатируют случившееся, но искреннего сочувствия, сопереживания, благодарности, восхищения или негодования не испытывают, во всяком случае поначалу. Над этим приходится работать особо. Результат приходит не сразу и, как мне кажется, не всегда выглядит очевидным. В дошкольном возрасте, видимо, вообще не следует ожидать от ребенка каких-то зрелых проявлений сочувствия и сострадания к незнакомым людям, деятельного участия в их судьбе, помощи и поддержки. Чувства дошкольников неустойчивы, ситуативны, не отличаются ни зрелостью, ни глубиной.

Вновь и вновь возвращаясь в тот день, когда Юля и Настя сообщили мне о теракте в московском метро, бережно реконструируя события и восстанавливая детали, я очень хочу понять: чего тогда, в их первой реакции на случившееся, было больше — обывательского оживления, наигранного взрослого сочувствия и возмущения или искреннего сопереживания и боли? Пытаюсь, но не могу и вряд ли уже когда-нибудь с этим разберусь. Хотя боюсь, что первого. Почему? Вопрос сложный. Ответить на него мне трудно, тем более что в игре девочки трогательно заботились о пострадавших: спасали из туннеля зверушек и кукол, старались как можно быстрее доставить их всех в больницу, делали операции, уколы и перевязки, навещали своих пациентов, угощали их конфетами, желая приободрить и успокоить. Бурных чувств в игре дети не выражали, скорее даже действовали излишне рассудочно, но было очевидно, что нравственно-этические акценты в процессе самостоятельного осмысления произошедшего они расставили верно. Взявшись за написание статьи, я не ставила перед собой задачу проанализировать состояние проблемы восприятия детьми дошкольного возраста общественных бед и болезней. Это преждевременно. Серьезных научных исследований в этой области пока нет. По большому счету, нет ничего, кроме отдельных наблюдений, весьма эмоциональных публицистических статей, кое-каких соображений психологов, всеобщего беспокойства и желания оградить малышей от ужасов мира взрослых. Мне хотелось обозначить проблему и поговорить о возможности серьезной научной и практической работы в этом направлении. Лично у меня ее настоятельная жизненная необходимость сомнений не вызывает. Поведение племянниц, их интерес к трагическим событиям последних лет и реакция на них сняли все вопросы.

Конечно, можно и дальше делать вид, что ничего не происходит, игнорировать игры дошкольников в теракт, их трудные, неприятные для нас, взрослых, вопросы, неразвитость чувств и равнодушие к бедам людей, привычно ссылаясь на особенности социально-нравственного развития ребенка, неготовность к серьезному разговору о болезнях общества, ранимость детской души и опасность преждевременного взросления. Но все это, на мой взгляд, не более чем отговорки, призванные успокоить педагогическую совесть, оправдать себя и переложить ответственность на чужие плечи.

Мир стал другим. Ребенок живет в новых социальных условиях, и вполне естественно перед педагогами должны были бы встать новые задачи в области его социализации. Однако события последних лет застали нас врасплох, к решению новых педагогических задач мы оказались не готовы. Значительная часть педагогов до сих пор пребывает в шоковом состоянии и не желает принимать объективных изменений в жизни ребенка и общества.

Но оттого, что мы отгородились от проблемы, она не исчезла и не стала менее острой. Скорее, наоборот. Издержки охранительной педагогики, растерянности и затаившегося бездействия, взрослых вследствие вполне понятного радикального переосмысления содержания и задач социально-нравственного воспитания дошкольников, весьма красноречивы. Сама жизнь доказывает необходимость продуманной и планомерной работы по социализации детей, начиная с раннего возраста. Вопрос лишь в том, какими должны быть ее содержание, формы и методы, что и как рассказывать детям о социальных потрясениях и катаклизмах.

Думаю, никто не будет спорить, что вхождение ребенка в мир взрослых должно быть плавным и постепенным, незачем обрушивать на его голову всю правду о жизни, особенно негативных ее сторонах. Это губительно даже для взрослого человека. Еще В. Быков предостерегал писателей от излишнего натурализма в изображении действительности, в частности войны. Педагог обязан помнить о сохранении меры и такта в отношении к правде жизни. Ребенок должен оставаться ребенком и с оптимизмом смотреть в будущее. Видеть человеческие страдания, кровь и смерть ему совсем необязательно.

Между тем малыш имеет право получить исчерпывающие ответы на интересующие его вопросы и составить по возможности объективное представление о том или ином взволновавшем его общественном событии. Не надо бояться вести с детьми серьезные разговоры. Дошкольники осваивают мир, в который пришли и в котором будут жить, стараются его понять, усвоить принятые модели поведения и взаимодействия с окружающими. И чем раньше и точнее им удастся это сделать, тем естественнее пройдет процесс адаптации.

Права Э.К. Сулова, утверждающая, что разговоры с детьми о терроризме, войне в Чечне, Ираке и прочих социальных бедах и трагедиях требуют от взрослого тщательной подготовки, эрудиции, такта, педагогической и человеческой мудрости. Педагогу и родителю не стоит стесняться своих сомнений, скрывать от ребенка сложность и неоднозначность происходящего, свою тревогу и душевную боль. И мне даже думается, что акцент в подобных беседах должен быть сделан не на социально-политических аспектах тех или иных острых социальных проблем, а на морально-нравственных, человеческих. Говоря о войнах, террористических актах, вооруженных столкновениях и прочих трагических событиях, их причинах и следствиях, важно помочь ребенку осмыслить ценность человеческой жизни, научить милосердию и состраданию. Дать понять и почувствовать трагедию войны, ибо война, какой бы она ни была, где бы и кем ни велась, — это всегда кровь, страдания, смерть и непроходящая боль, даже тогда, когда кровь, страдания и смерть лично тебя не касаются. Все остальное вторично и может решаться уже на следующих возрастных этапах.

Возможно, также не стоит говорить о трагических событиях и бедах людей со всей группой детей на специально организованных занятиях. Здесь, как никогда, важно учесть индивидуальные особенности детей, их интерес к непростым общественным событиям и желание говорить о них. Поэтому куда результативнее окажутся индивидуальные беседы и беседы с небольшой подгруппой детей, проводимые в неформальной обстановке, возможно, по следам событий. Увы, наша жизнь дает массу поводов поговорить о бедах людей, их потерях и страданиях, войнах, терактах, стихийных бедствиях и катастрофах. Весьма эффективными в области социально-нравственного и социально-эмоционального развития традиционно считаются литературные произведения, побуждающие малышей задуматься о ценности человеческой жизни, и конкретные дела взрослых и детей, направленные на помощь пострадавшим.

Однако, по большей части, все это предположения и догадки — личный опыт работы с дошкольниками не позволяет сделать научно обоснованных выводов. Только серьезные, долгосрочные исследования смогут дать ответ на вопрос, что и как рассказывать дошкольникам о трагических событиях общественной жизни.

Что делать пока? Наверное, довериться здравому смыслу, интуиции и искать. Мне кажется, что умному, равнодушному к ребенку взрослому хватит мужества, мудрости и такта поговорить с малышом о трагических событиях современности. Он сможет тронуть детское сердце и найдет слова, способные утолить его естественное любопытство. Было бы желание и сознание необходимости такого разговора.

Уже когда работа над номером вступала в завершающую стадию, стало известно о взрыве двух пассажирских самолетов в небе над Тульской и Ростовской областями, подрыве террористки-смертницы возле станции метро «Рижская» в Москве и захвате заложников в Беслане. За неполные две недели жертвами террористических актов в России стали полторы тысячи человек, около пятисот из них погибли. А мои племянницы вновь заговорили о чудовищных трагедиях, смертях детей и горе родителей. Мир изменился!